

УДК 81'1

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА ПРИ ПРЕДМЕТНО-ПРАКТИЧЕСКОМ КОГНИТИВНОМ СТИЛЕ (на материале романа Т. Моррисон «Beloved»)

А. А. Фомин, Н. А. Баева

REPRESENTATION OF COGNITIVE DISSONANCE IN THE OBJECTIVE-PRACTICAL COGNITIVE STYLE (based on the novel «Beloved» by T. Morrison)

A. A. Fomin, N. A. Baeva

Данная статья посвящена рассмотрению вопросов исследования теории когнитивного диссонанса и его отражения в речи героев художественного произведения. В результате полученных данных были выявлены языковые средства, сопровождающие когнитивный диссонанс, а также какую роль играет предметно-практический когнитивный стиль при возникновении противоречий.

The paper focuses on the theory of cognitive dissonance research and its reflection in the characters' speech. The language means accompanying a cognitive dissonance are studied as well as the role of the objective-practical cognitive style at emergence of contradictions.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, когнитивная лингвистика, когнитивная стилистика, предметно-практический когнитивный стиль.

Keywords: cognitive dissonance, cognitive linguistics, cognitive stylistics, objective-practical cognitive style.

Участвуя в актах коммуникации, человек выступает либо в роли адресата, либо адресанта, то есть в роли слушающего или говорящего соответственно. В момент коммуникации происходит вовлечение слушающего в процесс, требующий понимания мыслей и определенного хода мышления говорящего. Получаемая человеком информация «упакована» в языковые средства. В связи с этим возникает закономерный вопрос относительно механизмов внутреннего и внешнего протекания данного процесса, ответ на который дает новое направление в науке – когнитивизм. Как отмечает В. А. Маслова, объектом изучения данного направления является человеческий разум и мышление, а также связанные с ними ментальные процессы. Когнитивизм исследует процессы познания, мировосприятия в жизнедеятельности людей. К числу важнейших принципов этого направления можно отнести понимание человека как воспринимающего и производящего информацию в процессе какой-либо деятельности. Таким образом, когнитивная наука, то есть наука о процессах познания, рассматривается как наука общих принципов, благодаря которым человеческий мозг управляет ментальными процессами.

Решение мыслительных задач напрямую связано с активным использованием языка и его средств. Язык не только обеспечивает передачу и прием информации, но и обрабатывает ее [5, с. 23], создавая возможность упорядочения и систематизации в памяти большого объема знаний. Для выявления принципов и закономерностей в данной связи была создана отдельная наука – когнитивная лингвистика [6, с. 16 – 23].

По определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык в качестве когнитивного механизма, играющего роль в кодировании и трансформации информации [7, с. 53 – 55]. Целью когнитивной лингвистики, по мнению В. А. Масловой, является понимание осуществления процессов восприятия, категоризации, осмысления,

упорядочивания и классификации мира, установления закономерностей при накоплении знаний; выявление систем, обеспечивающих различные виды деятельности с информацией [5, с. 23].

Развитие направления когнитивной лингвистики послужило началом новому направлению, такому как когнитивная стилистика. Как отмечает К. Андреева, XXI век уже приносит свои первые открытия в область гуманитарных исследований. Возникшая когнитивная стилистика – это совершенно новое явление, связывающее процессы создания и анализа литературного текста с общими когнитивными механизмами и принципами работы мышления человека и его сознания [1, с. 179 – 184].

Основные идеи новой формирующейся науки представлены в работах ее основателей: Маргарет Фриман «Poetry and Scope of Metaphor: Toward a cognitive Theory of Literature», «The Body in the Word: A Cognitive Approach to the Shape of a Poetic Text»; Elena Semino «A Cognitive Stylistic Approach to Mind, Style in Narrative Fiction»; Peter Stockwell «Cognitive Poetics»; Joanna Gavins and Gerard Steen «Cognitive Poetics in Practice» и в ряде других работ [1, с. 179].

Новая область науки носит междисциплинарный характер и находится на стыке лингвистики, литературоведения и когнитивной науки. В то же время в основе данной науки находятся не только область когнитивной лингвистики, но и область психологии. Таким образом, когнитивная стилистика сочетает в себе ряд принципов, теоретических знаний и приемов, характерных как для когнитивной лингвистики, так и для литературоведения. Как указывают ученые, стоящие у истоков этой дисциплины, Елена Семино и Джонатан Калпепер, «Когнитивная стилистика сочетает ясный, точный и детальный лингвистический анализ литературных текстов, характерный для стилистики, с системным, основанным на теоретическом знании, учетом когнитивных структур и процессов,

которые определяют производство и восприятие языка» [1, с. 179].

Человек, находясь в непосредственном контакте и взаимодействии с окружающим миром, воспринимает различную информацию, которая может быть получена в несколько стадий. Первой стадией является получение информации через органы чувств (зрение, обоняние, осязание, слух и вкус). Вторая стадия – это уже перекодирование с помощью мыслительных процессов полученных сведений из одного вида восприятия в другой (например, когда человек *слышит* описание предмета, он преобразует получаемую информацию в *зрительную* и/или *осязательную* и т. п.). Данным стадиям восприятия характерна непроизвольная активизация у индивида именно той модальности ментального опыта, которая лежит в основе индивидуального стиля кодирования информации [12, с. 38].

Холодная М. А. выделяет 4 основных стиля кодирования информации в процессе информационного обмена человека с окружающей средой [12, с. 320]:

- а) словесно-речевой стиль кодирования информации;
- б) визуальный стиль (зрительные образы);
- в) предметно-практический;
- г) сенсорно-эмоциональный (сенсорно-эмоциональные впечатления).

Степень выраженности того или иного способа восприятия и представления информации в индивидуальной репрезентативной системе свидетельствует о присущности конкретному человеку определенного стиля кодирования информации (словесно-речевого, визуального, предметно-практического, сенсорно-эмоционального) [2, с. 27 – 29].

При этом человеку как носителю языка и культуры свойственно объединять получаемую информацию, а также собственные взгляды и установки в единую систему, характеризующуюся согласованностью и упорядоченностью входящих в нее элементов. Тем не менее подобные попытки систематизации знаний могут быть успешными не всегда. Именно здесь возникает противоречие в системе знаний и возникает когнитивный диссонанс.

Термин «когнитивный диссонанс» пришел в лингвистику из психологии. Как указывает Л. Фестингер, в любой ситуации, которая требует от человека в той или иной форме формулировку собственного мнения или какого-либо определенного и конкретного выбора неизбежно создается диссонанс между осознанием предприняемого действия и теми известными субъекту мнениями и суждениями, которые свидетельствуют в пользу иного варианта развития событий [11, с. 137].

Явление когнитивного диссонанса можно наблюдать не только в реальной жизни, но и на страницах художественных произведений. Особенно ярко диссонанс выражен в диалогах коммуникантов с противоположными точками зрения относительно какого-либо вопроса, факта или события. Необходимо отметить при этом существование национальностей, которые достаточно эмоционально и жестко реагируют на возникающие в их сознании противоречия. В частности, у афроамериканцев существуют определенные

правила относительно отношений и поведения друг с другом, со своими братьями, сестрами, родственниками в целом, соседями и т. п. Нарушение этих правил приводит к возникновению когнитивного диссонанса, за которым следуют определенные вербальные и невербальные действия. В нашей работе мы рассматриваем репрезентацию когнитивного диссонанса на примере разговора Поля Ди, Сэти и Денвер романа Тони Моррисон «Beloved». Следует отметить, что Тони является лауреатом Нобелевской премии по литературе 1993 года и отмечена как писательница, «которая в своих полных мечты и поэзии романах оживила важный аспект американской реальности» [9]. За роман «Возлюбленная» в 1988 году ей была присуждена Пулитцеровская премия.

Процесс коммуникации происходит согласно правилам различных сценариев в границах различных коммуникативно-прагматических типов, а участник коммуникации презентует себя на трех уровнях. Эти три уровня упоминались Ю. Карауловым в работе о языковой личности: вербально-семантический, когнитивный и прагматический. Как отмечает автор, вербально-семантический уровень личности реципиента представлен его лексиконом, который включает в себя всю совокупность грамматических значений и владение национальным языком. Когнитивный уровень характеризует свойственную языковой личности картину мира и воплощен в ее тезаурусе. Прагматический уровень характеризуется воспроизведением особенностей потребностей в коммуникации и деятельности личности реципиента. Данный уровень отражает «прагматикон», охватывающий коммуникативно-деятельностные потребности личности, движущие ею мотивы, установки и цели и резюмирующийся в наборе или сетке связанных с конкретными речевыми актами интенциональностей [4, с. 86 – 87].

Анализ примера построен на модели, предложенной Н. А. Белоус [3, с. 53 – 63]. Соответственно, следует привести условные обозначения, используемые при анализе: P1 – реципиент 1; P2 – реципиент 2; знаки «>», «<», «=» указывают на прагматическое доминирование реципиентов коммуникации; знаком подчеркивания « » отмечены определенные когнитивные стили; ИД – иллюкутивная доминанта; арабские цифры в круглых скобках указывают на последовательность репликовых шагов реципиентов, буквы при цифре указывают на закрытие репликового шага; жирным шрифтом выделены конфликтные маркеры.

Пресуппозиционная база: P1: Поль Ди, свободный афроамериканец; P2: Сэти, жительница города; P3: Денвер, дочь Сэти. P2 обвиняет P3 в недостойном поведении с P1; равноположенность – P2 > P3 > P1, день, дом Сэти. Коммуникативная заинтересованность – в пользу P2. Параметр «сотрудничество» характеризуется желанием осуществлять реактивную деятельность. Кодекс доверия в целом имеет положительный статус, сменяющийся отрицательным.

Психоземotionalный статус личности: у P1 преобладает отрицательный, у P2 с комфортного меняется на отрицательный, у P3 также меняется на отрицательный. Семантический анализ вербальных маркеров ИД: «выпроводить нуждающегося афроамериканца (P1) из дома» – поступок, недостойный чернокожего.

P2, выражая свое неприятие такого поступка, обвиняет P3 в желании осуществить данное действие. P1, находящийся в недоумении из-за высказывания P3, желает покинуть дом P2, что, как мы знаем, P2 не приемлет. Синтаксический анализ вербальных маркеров ИД: короткие предложения, повествовательные, вопросительные, отрицательные, прослеживается нарушение синтаксиса.

The phrase hurt him so much he missed the table. The coffee cup hit the floor and rolled down the sloping boards toward the front door.

P1: «Hang around?» (1) *Paul D didn't even look at the mess he had made.*

P2: «Denver! What's got into you?» (1a) *Sethe looked at her daughter, feeling more embarrassed than angry. Paul D scratched the hair on his chin.*

P1: «Maybe I should **make tracks**» (2).

P2: «No!» (2a) *Sethe was surprised by how loud she said it. P2 > P1.*

P3: «**He know what he needs**», (3) *said Denver.*

P2: «Well, you don't», (3.1) *Sethe told her, «and you must not know what you need either. I don't want to hear another word out of you».* (3a) P2 > P3.

P3: «I just asked if-» (4).

P2: «Hush! You make tracks. Go somewhere and sit down». (4a); (1:45) [13, p. 45].

Видно, эти слова сильно задело его: он даже чашку с кофе мимо стола поставил. Чашка упала на пол и покати́лась по покосившимся полови́цам к входной двери.

P1: «Торчать здесь?» (1) – *Поль Ди даже не взглянул на разлитый кофе.*

P2: «Денвер! Да что с тобой такое?» (1a) – *Сэти посмотрела на дочь, чувствуя скорее растерянность, чем гнев.*

Поль Ди поскреб заросший щетиной подбородок.

P1: «Может, мне действительно пора **сма́тываться** отсюда?» (2).

P2: «Нет!» (2a) – *Сэти даже удивилась, так громко она это выкрикнула P2 > P1.*

P3: «**Он сам знает, что ему нужно**», (3) – *заявила Денвер.*

P2: «Зато ты не знаешь» (3.1), – *ответила ей в тон Сэти. – «Ты не знаешь даже, что и тебе самойто нужно. И я больше не желаю слышать от тебя ни единого слова»* (3a) P2 > P3.

P3: «Я просто спросила, не пора» (4).

P2: «Заткнись! Можешь **сма́тываться** отсюда сама. А пока пойдй куда-нибудь и посиди молча» (4a) [10, с. 71].

Все усилия инициатора конфликта – как вербальные, так и невербальные, в качестве субъективной ориентации индивида относительно определенных способов социального и речевого поведения направлены на деструкцию, то есть изменение равноположенности в свою пользу. Впоследствии инициатор превращается в лицо, на которое направлена ответная агрессия, вызванная стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию. Тем самым инициатор, игнорируя ценности, составляющие языковую картину мира и коммуникативные цели своего собеседника, в данном случае сам становится «пострадавшим». В самой же ситуации очевид-

но прослеживается проявление когнитивного диссонанса.

В приведенном примере Сэти не приемлет неподобающего афроамериканской девушке поведения со стороны своей дочери Денвер с Полем Ди. Об этом свидетельствуют эмоционально насыщенные восклицательные и вопросительные предложения («Denver! What's got into you?», «No!», «Hush!»). Использование вопросительного предложения («What's got into you?») показывает ее желание разрешить свои противоречия как можно быстрее. Синтаксический повтор и параллельные конструкции («you don't», «you must not», «I don't») помогают показать быструю, неподготовленную и экспрессивную речь. В одной из реплик Денвер присутствует стилистический прием – апозиопезис («I just asked if-»), который показывает высокую степень когнитивного диссонанса ее матери. Сэти не дает дочери закончить мысль, сразу выплескивая свои эмоции, выражающиеся в ее речи через модальный глагол *must* в отрицательной форме («you must not know»), который демонстрирует яркий эмоциональный накал.

В описании выпавшей из рук Поля Ди кружки (*The coffee cup hit the floor and rolled down the sloping boards toward the front door*) прослеживается предметно-практический способ кодирования информации. С помощью визуализации происходящего, в нашем восприятии легко может быть воссоздан образ падающей и катящейся кружки, а так же часть обстановки дома Сэти. Благодаря словам «hit» и «rolled» передается изменение положения предмета в пространстве. Лексема «hit» передает резкое и неожиданное падение, а лексема «rolled», с помощью звуков «т» и «л», передает звуковую «картинку» катящегося по поверхности предмета, издающего звуки, что добавляет реалистичность в описываемое событие. У читателя создается впечатление реальности происходящего – он начинает видеть кружку, пол, комнату в непосредственной близости; он как бы выстраивает в своем сознании «3-D модель» этих предметов. Это отражено и в русском переводе И. Тогоевой [10, с. 71]: повторяющиеся звуки «п», «л» и непосредственно буквосочетания «по», «пал» / «пол», «покат» / «покос» (*поставил, упала, пол, покати́лась по покосившимся полови́цам*) помогают не только передать событие, дать возможность «почувствовать» предмет, но и увидеть диссонанс при помощи детализации описания предмета при общей малозначительности его функции в диалоге. Читатель, «почувствовав» лучше предмет, в свою очередь, сам становится частью описываемых действий; автор готовит его к изменению обстановки в произведении, к изменению в сознании героев, что читатель и наблюдает в неожиданно возникнувшем когнитивном диссонансе персонажей. Из этого следует, что предметно-практический способ кодирования информации помогает лучше передать описываемую далее напряженную обстановку и усиливающийся в сознании героини когнитивный диссонанс.

Таким образом, когнитивный диссонанс репрезентируется разными языковыми средствами: синтаксической компрессией, параллельными конструкциями, модальными глаголами, прямой номинацией

эмоций и чувств. Предметно-практический способ кодирования информации способствуют более яркой передаче возникшего или возникающего когнитивного диссонанса. Данная работа также позволила установить, что для преодоления когнитивного диссонанса, возникающего в сознании героя, он открыто начинает демонстрировать свои чувства. И чем сильнее у него когнитивный диссонанс, тем более эмоциональна его речь. С точки зрения стилистики, герой

использует непривычный для своей речи синтаксис (синтаксический повтор, параллельные конструкции; в его репликах присутствует обилие вопросительных и восклицательных предложений). Тем не менее когнитивный диссонанс не всегда удается разрешить окончательно – герой вынужден продолжать задавать вопросы, чтобы максимально его уменьшить, так как его сознание и мировосприятие должно прийти в состояние гармонии.

Литература

1. Андреева, К. А. Когнитивная стилистика как новая парадигма исследования литературного текста / К. А. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2005. – № 2.
2. Баева, Н. А. Когнитивные стили и языковые способы их репрезентации (на материале произведений женщин-писателей викторианской эпохи) / Н. А. Баева // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I Международной научной конференции (5 – 7 октября 2011 г.). – Барнаул: АлтГПА, 2012.
3. Белоус, Н. А. Когнитивный диссонанс как один из факторов возникновения конфликтного дискурса / Н. А. Белоус // Журнал: Вопросы когнитивной лингвистики № 1(014). – Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2008. – 150 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
6. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996. – 430 с.
8. Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
9. Лауреаты нобелевской премии: Нобелевская премия по литературе 1993 – Тони Моррисон. – Режим доступа: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=90>
10. Моррисон, Т. Возлюбленная / Т. Моррисон; пер. И. Тогоева. – М.: Иностранка, 2005. – 448 с.
11. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб.: Ювента, 1999. – 317 с.
12. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
13. Morrison, T. Beloved / T. Morrison. – New York: Random House, 2009. – 276 p.

Информация об авторах:

Фомин Анатолий Анатольевич – студент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-951-227-65-33, anatoly.formean@gmail.com.

Anatoly A. Fomin – student at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

Баева Наталья Александровна – научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-904-375-95-07, baeva-angl@rambler.ru.

Natalia A. Baeva – research advisor, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.